

Д.Д. Сушков

Российский государственный гуманитарный университет,
125993 г. Москва, Российская Федерация

Габриэле Д'Аннунцио как «предтеча» итальянского фашизма

Статья посвящена изучению политических взглядов итальянского поэта и политика Г. Д'Аннунцио, игравшего значительную роль в истории Италии в первой четверти XX в. Автор статьи выявляет идеологические элементы в различных произведениях поэта и показывает, каким образом они реализовывались через его политическую деятельность, которая впоследствии оказала влияние и на набирающее популярность в Италии фашистское движение. С идеологических позиций анализируется «Конституция Фиуме» – утопический документ, разработанный Д'Аннунцио и А. Де Амбрисом во время захвата г. Фиуме в Далмации и попытки создать там независимое «государство нового типа». Выявлены идеологемы, использованные поэтом и позже ставшие неотъемлемой частью фашистской идеологии. Сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения феномена Д'Аннунцио, оставившего заметный след в истории Италии, но до сих пор не получившего полноценного отражения в российской историографии.

Ключевые слова: Италия 1920-х гг., Габриэле Д'Аннунцио, Хартия Карнаро, Конституция Фиуме, государство Фиуме, итальянский фашизм, Бенито Муссолини

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сушков Д.Д. Габриэле Д'Аннунцио как «предтеча» итальянского фашизма // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 4. С. 81–97. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-4-81-97

© Сушков Д.Д., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-4-81-97

D.D. SushkovRussian State University for the Humanities,
Moscow, 125993, Russian Federation

Gabriele D'Annunzio as a “precursor” of the Italian fascism

This article is dedicated to the issue of the evolution of political convictions of the poet and politician G. D'Annunzio, whose role in the political and social life of the first quarter of XX century in Italy was rather significant. The author exposes some ideological elements presented in the various papers by the poet and tries to show how these aspects were realized through the G. D'Annunzio's political activity and how they influenced on fascist movement in Italy. From ideological positions, the author tries to analyze “The Constitution of Fiume”, the utopian document which was written by G. D'Annunzio and his co-author A. de Ambris in the period of occupation of the city of Fiume in Dalmatia, which was an attempt to create a “new model of the state”. The author shows the similarity of some ideological positions which were presented in movements led by D'Annunzio and Mussolini. The author tries to attract attention of researchers of the phenomenon of D'Annunzio which has left the mark in the history of the fascist movement and which is still little-known in Russian historical science.

Key words: Italy in 1920's, Gabriele D'Annunzio, Charter of the Carnaro, the Constitution of the Fiume, Italian fascism, Benito Mussolini

FOR CITATION: Sushkov D.D. Gabriele D'Annunzio as a “precursor” of the Italian fascism. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 81–97. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-4-81-97

Личность Габриэле Д'Аннунцио (1863–1938) занимает значительное место в истории Италии первой половины XX в. Тем не менее, в отечественной историографии нет научной работы, посвященной этому историческому лицу. Среди имеющихся трудов, так или иначе затрагивающих тему, стоит отметить его беллетризованную биографию «Крылатый циклоп», написанную Е.А. Шварц [10], монографию

Д.С. Моисеева «Политическая философия итальянского фашизма» [8]. Тем не менее, работа Шварц носит филологический и культурологический характер, что не позволяет в полной мере охватить социально-политический контекст того периода и выяснить роль поэта в нем.

В отечественной историографии обширен пласт исследований, связанных с изучением итальянского фашизма. Труды, посвященные этому явлению, появились еще в первой трети XX в. Стоит упомянуть работу Н.В. Устрялова «Итальянский фашизм» (1928 г.) [9], в которой в апологетическом духе анализировался генезис этого нового политического и социального феномена. Советская историография также занималась исследованием данного вопроса, можно отметить монографию Б.Р. Лопухова «История фашистского режима в Италии» [7] и др. Одним из главных современных исследователей фашизма является Л.С. Белоусов, который посвятил ряд работ деятельности Муссолини [3; 4], а также борьбе итальянцев-антифашистов против режима [1; 2]. Как мы видим, отечественная историография сосредоточена на феномене итальянского фашизма и не концентрирует своего внимания на заявленной нами теме, весьма заметна также и идеологизированность указанных работ, что было типично для историографии советского периода.

Зарубежная историография, посвященная анализу деятельности Д'Аннунцио, более обширна. Назовем здесь работы Н. Валери «Д'Аннунцио и фашизм» [23], Р. Де Феличе «Д'Аннунцио – политик» [15] и «Муссолини – революционер» [16], статью Д. Спинелли «Хартия Карнар: утопия как юридический опыт» [22], а также схожую по направленности с книгой Шварц работу английской писательницы Люси Хьюз-Холлетт «Пика: Габриэле Д'Аннунцио, поэт, соблазнитель и проповедник войны» [18]. Тем не менее, зарубежные исследователи при рассмотрении личности и деятельности Д'Аннунцио зачастую склонны к излишней романтизации этого исторического персонажа, что может служить препятствием к адекватной оценке его вклада в социально-политические процессы того времени.

Невозможно игнорировать тот факт, что Д'Аннунцио оказал большое влияние на итальянскую и мировую культуру не только как литератор, но как политик и воин, став неотъемлемой частью итальянского героического образа во времена Первой мировой войны и межвоенного периода. Поэт фактически дал импульс противоположным политическим процессам в итальянской политике первой четверти XX в. Как левые, так и правые до сих пор считают его единомышленником. В современной социально-политической среде фигура Д'Аннунцио играет важную роль в идеологическом самоопределении левых и правых радикальных течений [12, р. 1–7]. Некоторые российские исследователи оценивают

Д'Аннунцио как «предтечу» итальянского фашизма [см., например: 22, р. 75].

Цель данной статьи заключается в выявлении эволюции политическое мировоззрения Д'Аннунцио и оценке его влияния на исторические события в межвоенный период, что позволит иначе взглянуть на политические события в Италии 1920-х гг. Для того, чтобы в полной мере осветить этот вопрос, необходимо обратиться к литературному и политическому наследию поэта, в частности, к «Хартии Карнарро», которая стала выражением его эстетических взглядов по поводу политического устройства государства. Помимо этого, интерес представляют и связи Д'Аннунцио и Бенито Муссолини. Отношение Муссолини к поэту является важным фактором влияния Д'Аннунцио на фашистское движение, и это влияние можно проследить в статьях и выступлениях Муссолини конца 1910-х – начала 1920-х гг.

Стоит отметить, что на формирование взглядов поэта-воина повлияло множество идей, которые порой противоречили друг другу. Некоторые его современники утверждали, что внутри его сознания сплетались десятки разных личностей [10, с. 7]. Советский нарком иностранных дел Г.В. Чичерин отмечал эклектичную натуру поэта [24, с. 64]. Именно «эклектичность» взглядов и породила противоречивый феномен Д'Аннунцио.

Став еще при жизни, благодаря выдающимся подвигам во время Первой мировой войны, национальным героем [8, с. 106], он, тем не менее, был постепенно оттеснен Муссолини с позиции лидерства в политической борьбе. Апогеем активной политической деятельности Д'Аннунцио стал захват хорватского города Фиуме [22, р. 76] и создание там независимой республики, которая была юридически оформлена после принятия конституции (т.н. «Хартии Карнарро»), однако формирование политических взглядов поэта началось задолго до этих событий.

При изучении творческого наследия поэта можно выявить несколько основных элементов, сформировавших его характер. Известно, что юность Д'Аннунцио прошла в закрытом учебном заведении военного типа, где большое внимание уделялось дисциплине и классическому христианскому образованию. Шварц отмечает, что уже в этот период он выделялся независимыми суждениями по поводу Бога и окружающего мира [10, с. 29], в частности, заявляя учителям, что Бог является жестоким шутком, который создал человека, чтобы «забавляться видом его страданий» [цит. по: 10, с. 29]. В это же время он знакомится с главным трудом Ч. Дарвина «О происхождении видов», что оказало на него большое влияние в будущем [13, р. 184–185]. Прежде всего, это отразилось на его поэтическом творчестве. Сборник стихотворений «Новая

песнь» (“Canto novo”), написанный в 1882 г., пропитан дарвинистскими мотивами, идеями борьбы за выживание, вида, расы, которая призвана завоевать свое место под солнцем в бесконечной борьбе с другими народами. Биологизм Дарвина Д’Аннунцио воспринял на всех уровнях, как на индивидуальном, так и на коллективном, применяя его для описания социальных и политических процессов, а упомянутый поэтический сборник стал выражением этой части его идей [13, р. 184–189]. Некоторые современники характеризовали данную работу как «прямое выражение теорий Дарвина» [цит. по: 13, р. 185].

Другим фактором, повлиявшим на мировоззрение поэта, стало его знакомство с философией Ф. Ницше, которое приходится на 1890-е гг. В этот период Д’Аннунцио воспринимает идею о сверхчеловеке [19, р. 38–39], однако делает это в своеобразной манере, отчего его взгляды справедливо называют «псевдоницшеанскими» [8, с. 105]. Учитывая мнение Э. Луньяни о том, что Д’Аннунцио воспринимал идеи немецкого философа с практических позиций, перенимая антидемократическую полемику и идею об упадке современного мира, одобряя войну и жестокость [19, с. 38], можно сказать, что для поэта главным критерием была эстетическая составляющая той или иной концепции, с которой он знакомился, отвечавшая при этом его сложному многоплановому характеру.

В это же время Д’Аннунцио предпринимает первую попытку заняться политической деятельностью, он пытается донести свои идеи до масс, но не встречает поддержки, т.к. им движут романтизированные образцы античности и республиканского Рима [13, р. 190]. Его выступления всегда были тщательно выверенными, ему удавалось очаровать слушателей потоком ярких образов, хотя многие отмечали, что поэт часто злоупотреблял этим приемом и, тем самым, затруднял понимание сказанного [10, с. 145].

В 1897 г. он избирается в парламент от крайне правых [Там же, с. 144], хотя в действительности смотрит на эту борьбу с эстетических позиций, не причисляя себя к какому-либо политическому лагерю. Апогеем его короткого парламентского опыта стало выступление с характерным названием – «Речь об изгороди» [Там же, с. 145], в которой он говорил об «изгородях», огораживающих частную собственность человека, как о вещи, определяющей все политические и социальные процессы. Ответом на выступления левых во Флоренции в 1898 г. была его возмущенная статья, в которой он осуждал «выродившихся чомпи»¹,

¹ Чомпи – чесальщики шерсти и другие наемные работники сукнодельческих мануфактур во Флоренции и в других итальянских городах в Средние века. Тяжелые условия труда, низкая заработная плата, высокие штрафы стали причинами ряда восстаний чомпи.

бросавших камни в статую Персея [работы] Челлини» [цит. по: 10, с. 146], а в речи по поводу своего избрания депутатом он заявил: «Одно столетнее величественное дерево дороже двух десятков безличных людей, и я не срублю его, чтобы купить мужикам лекарство от холеры» [цит. по: 10, с. 144].

Таким образом, можно сказать, что в первый период его политической деятельности, несмотря на подчеркнута отрицательное, даже снобистское отношение к парламентаризму и демократии, четко прослеживаются взгляды, имеющие целью защиту частной собственности от нападков социалистов, ясно видна его склонность к эстетическому восприятию действительности, презрение к массам с умалением их исторической и культурной роли. Помимо этого, мы можем также говорить и о крайней степени индивидуализма Д'Аннунцио, от которого он не откажется до конца жизни; поэт был убежден, что массы следуют за авторитетом. Действительно, его талант оратора, который, как отмечают исследователи, «каким-то магическим образом объединял людей» [16, р. 549], позволял ему овладевать массами.

Следующая попытка поэта заняться политикой приходится на 1900 г., когда Италия постепенно скатывалась в политический и экономический кризис. Этот период политической истории Италии принято называть «трансформизмом» (*trasformismo*), когда представители одной партии по тем или иным причинам демонстративно присоединялись к своим бывшим оппонентам. Подобным образом поменял свою политическую ориентацию и Д'Аннунцио, присоединившись к партии «левых» прямо в здании парламента [10, с. 170]. Стоит отметить, что политическая ориентация партий того периода и их определения как «левых» или «правых» заметно отличались от сегодняшнего понимания: в предвоенный период итальянские «левые», как и «правые», не имели столь острых идеологических различий. Впоследствии обе партии вольются в «Итальянскую либеральную партию». Тем не менее, «левые» выступали за демократизацию и расширение избирательных и иных прав, тогда как «правые» стремились не допустить этого, удерживая власть в руках образованного и обеспеченного меньшинства.

Хотя поступки Д'Аннунцио и выглядят как хаотичные действия, как «литературный образ» [14, р. 75], навеянный ему героическим прошлым, Римской республикой и временами Данте [13, р. 190], это был один из этапов формирования его политических воззрений, которые впоследствии сделают его серьезным конкурентом Муссолини. Пока последний еще не покинул крыло пацифистов-социалистов, Д'Аннунцио уже активно поддерживал вторжение в Ливию, а впоследствии и участие страны в Первой мировой войне как акты «латинского

возрождения» [13, р. 190] и возможность для проявления истинной героической природы человека. Стоит сказать, что тема войны и презрения к смерти стала центральной не только в его литературном творчестве, но и в жизни, проявившись в активном участии поэта в войне.

Возвращаясь к вопросу о формировании взглядов Д'Аннунцио, необходимо подчеркнуть, что рассматривать его личность в отрыве от тех произведений, которые были им написаны, некорректно, т.к. именно они являются выражением его позиции и показывают динамику ее изменения. Если идеи Дарвина отразились в “*Canto novo*”, то ницшеанские мотивы и образ героя-индивидуалиста выражается в романах Д'Аннунцио, один из которых стал его своеобразным манифестом.

Роман «Девы утесов» (“*Le vergini delle rocce*”, 1895) позволяет судить о другой стороне его взглядов. Помимо идей борьбы, индивидуальной и национальной, мы видим и стремление заменить этические смыслы эстетическими, поставить «немногих лучших» во главу культурного и духовного развития всего человеческого² и повести за собой остальных людей. Подобный взгляд проясняет не только причины его трепетного отношения к красоте и ненависть к тем, кто на нее посягает, но и показывает, что именно его манера и стиль приведут к оформлению идей вождизма в Италии.

Можно также выявить и абстрактные концепты, которые Д'Аннунцио выводит из своей уверенности в особой роли языка как инструмента для контроля за «плебсом» [22, р. 77] и в то же время грамотной и красивой речи как одного из атрибутов аристократизма [19, р. 43]. Поэт начинает превозносить «Красоту», призывает защитить ее от «злости пьяных рабов», называет «Слово» главной силой в мире [Там же]. Подобными абстракциями, призванными побудить массы следовать за ним, будут пестрить его дальнейшие речи и выступления, особенно во времена Республики Фиуме. А многие ораторские приемы, артистизм и поведение перед толпой будут переняты впоследствии Муссолини в образе «дуче». Можно сказать, что Д'Аннунцио стремится эстетически и духовно обогащать массы, воспитывать людей и их чувства через красоту окружающего мира, которую способен прочувствовать и донести до остальных только поэт.

Сплетение разнородных влияний позволило Д'Аннунцио сформулировать четкие взгляды на историю и культуру, на человечество, на вечное противоборство героя и массы; позволило сформулировать мнение по поводу языка и его роли, – все это неминуемо направляло его к наиболее важному и завершающему этапу его блистательной военной и политической карьеры – захвату Фиуме.

² D'Annunzio G. *Le vergini delle rocce*. Milano, 1896. P. 29.

К 1919 г. пожилой Д'Аннунцио уже имел репутацию национального героя, сумел проявить себя как храбрый воин на земле, на море и в воздухе. Особенно известен его дерзкий полет над Веной. В одном из воздушных боев его самолет был подбит, а сам он потерял глаз при посадке и получил тяжелые травмы [10, с. 308], однако это не помешало ему принять участие в еще одной не менее дерзкой акции.

После Первой мировой войны Италия претендовала на регион Истрия и стремилась «освободить» ее от последствий австро-венгерского влияния, однако по мирному договору этот регион отходил новообразованному Королевству сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии). Итальянское королевство оказалось бессильно перед сложившейся обстановкой. В 1918 г. в газете “*Corriere della Sera*” вышла статья Д'Аннунцио, в которой он риторически призывал не делать победу «изувеченной» (“*Vittoria nostra, non sarai mutilata*”). Статья разбита на 5 частей, каждая из которых несет в себе цель изобразить Италию и ее победу в войне как поруганную, требующую искупления. Д'Аннунцио искусно прибегает к излюбленным им абстрактным образам, историческим и библейским отсылкам. Наиболее полно отражают посыл автора, на наш взгляд, следующие строки: «О мир, ниспосланный, к грусти людей, не как белоснежная голубка, но как липкий гад!»³. Автор желает показать всю подлость, на которую обрекли победители итальянский народ. В последней части своей статьи Д'Аннунцио заключает: «Наша победа, ты не будешь изувечена. Никто не может перебить тебе колени или подрезать крылья...»⁴. Довольно жесткий образ, представленный автором, должен был вызвать в обществе желание защитить поруганную честь страны. Попыткой сделать это и стал знаменитый Марш на Ронки, закончившийся взятием Фиуме.

События, начавшиеся в августе 1919 г., взбудоражили всю Европу. Из-за напряженности, возникшей между жителями Фиуме и итальянцами, с одной стороны, и войсками союзников – с другой, там начались столкновения. В этой связи итальянское правительство приказало своим войскам покинуть город, но они вышли за его пределы и остановились, не подчиняясь приказам [Там же, с. 349]. Группа взбунтовавшихся офицеров направила предложение возглавить их марш на Фиуме, чтобы присоединить город к Италии, но Муссолини и другие видные политики отвергли это предложение.

³ D'Annunzio G. *Vittoria nostra, non sarei mutilata. Corriere della Sera*. 1918. 24 ottobre. III/26.

⁴ Там же. V/63.

Д'Аннунцио сразу согласился принять участие в марше, т.к. был одним из главных пропагандистов идеи присоединения города и всей Истрии к Италии, тем более, что с марта 1919 г. он уже состоял в переписке с членами городского совета Фиуме и обсуждал вероятность захвата города с высокопоставленными военными и политиками [15, р. 7], что опровергает устоявшуюся идею о спонтанном взятии Фиуме, воплощенном в жизнь только благодаря авторитету поэта. Чуть позднее, в своей «Конституции», он называл город «крайним рубежом латинской культуры» на границе с враждебными немецкоязычным и славянским мирами⁵.

Стоит отметить, что марш поэта с группой верных ему ветеранов Первой мировой войны, несмотря на предварительную подготовку, все же был дерзкой и стремительной акцией. По пути к Фиуме его отряд обрастал все новыми силами, поселения, лежащие на пути колонны, с энтузиазмом поддерживали движение [17, р. 101–104], а офицеры, призванные остановить мятежного поэта, либо пропускали его, либо присоединялись к нему, не в силах противостоять его авторитету [10, с. 350–351].

Говоря о захвате Фиуме, стоит сконцентрироваться не на исторических событиях, которые были подробно изложены многими авторами (см., например [10; 11; 15; 17; 20]), но на главном документе той эпохи, «Конституции республики Фиуме» или «Хартии Карнаро». Этот документ имеет огромное значение не только в политической, юридической, но и в философской сфере [15, р. 105–106], поскольку является политическим проектом «государства нового типа». Данный документ является и политическим манифестом Д'Аннунцио [23, р. 344], хотя он и был написан в соавторстве с известным в то время синдикалистом А. Де Амбрисом. Идеализм и пафос документа позволяют нам обозначить границу между идеями поэта и четкими формулами его соавтора.

27 августа 1920 г. «Хартия» была провозглашена основным документом государства [8, с. 109]. Документ состоит из 19 тематических глав, каждая из которых раскрывает определенный аспект жизни фиуманского общества.

В первой главе, посвященной волеизъявлению народа как легитимизирующей санкции, можно проследить, на наш взгляд, влияние Д'Аннунцио и его взглядов. Глава полна эпитетов и форм, которые совершенно не похожи на строгий юридический документ, они гибкие и абстрактные, призванные воздействовать на чувства читателя

⁵ D'Annunzio G., de Ambris A. Carta del Carnaro. La Costituzione della Libera Repubblica di Fiume. 1920. I. URL: <http://www.dircost.unito.it/cs/docs/carnaro1920.htm>

и его дух. Например, Д'Аннунцио пишет: «Право Фиуме троично, как непробиваемая броня римского мифа. Фиуме – это крайний оборонительный рубеж Юлиев, это крайний оплот латинской культуры, это последний хранитель “дантевского” знамени»⁶. Помимо этого, «троичность» можно воспринимать и в ином ключе, как три вида права людей, по которым они и выбирают эту «Конституцию»: историческое право, продиктованное культурными связями с «латинской» цивилизацией, право земное, обусловленное тесными связями этих территорий с античным Римом и, затем, с Венецианской Республикой, и правом человеческим как стремлением проживающих здесь людей оградить себя от иноземных влияний⁷.

Текст «Хартии», на наш взгляд, в полной мере отражает все те тенденции, которые Д'Аннунцио высказывал на протяжении своей жизни. Его приверженность аристократическому идеалу поэта-воина, сверхчеловека, который должен вести народ, т.е. черты ницшеанского восприятия мира, вступают во взаимодействие с дарвинистским биологизмом, который в сознании поэта трансформируется в «латинский» шовинизм и идею превосходства латинской расы и культуры над всеми другими народами. По меткому замечанию Э. Петерсона, Д'Аннунцио не воспринимает другие народы и культуры как полноценные, он отрицает их [21, р. 58] или пытается показать их отсталость в культурном и историческом плане, что, по нашему мнению, подтверждает и сам текст «Хартии». «Рим должен присутствовать здесь через свою созидательность» или «на латинских землях, на землях, взрытых латинским плугом, другой род будет, рано или поздно, преобразован созидательным латинским духом...»⁸. Подобным «латинским» пафосом пестрит весь документ. Помимо этого, очень часто Д'Аннунцио употребляет термины «род», «народ», говоря о бесконечной борьбе, которая для народа Адриатики на протяжении веков была «неукротимой мощью, подобной вере»⁹, провозглашая, таким образом, борьбу латинской расы со всем остальным миром как единственный способ ее выживания.

Третьим элементом, который можно назвать эстетическим фоном, на котором происходят все личные и политические события в жизни поэта, является приверженность корням и историческому наследию [15, р. 117]. «Хартия» имеет сходство с утопическими произведениями древности. Так, например, убежденность в том, что именно поэты

⁶ D'Annunzio G., de Ambris A. Carta del Carnaro. La Costituzione della Libera Repubblica di Fiume. 1920. I.

⁷ Там же.

⁸ Там же. IX/L.

⁹ Там же.

должны управлять обществом, а музыка и гимны являются неотъемлемой частью общественного устройства, уходит глубоко в древность, когда общественные институты были тесно связаны с мусическими искусствами. С другой стороны, поэт стремится придать «Хартии» черты средневекового устройства: Д'Аннунцио делит общество на 10 корпораций¹⁰, каждая из которых занимается определенным трудом на благо государства и должна иметь свою символику и обряды¹¹, что напоминает переосмысленную систему средневековых гильдий и коммунальное устройство городов [24, р. 12], помимо этого, он также активно использует архаичные названия и термины в статьях «Хартии» [15, р. 114]. Интересна и концепция верховенства государства, которая впоследствии, в несколько измененном виде, войдет в «Доктрину фашизма» Муссолини: «Государство – это общая воля и общее усилие народа, [достижимое] посредством все более растущей материальной и духовной мощи»¹², – пишет Д'Аннунцио.

Наконец, последним элементом, образующим государство, является должность «Команданте», которая хотя и была выборная¹³, тем не менее, предусматривала возложение диктаторских полномочий именно на поэта и мыслителя, т.к. эти два понятия зачастую тесно взаимосвязаны [22, р. 74]. «Команданте» воплощал собой универсального человека, которому по силам любое дело. Подобный подход демонстрировал и сам Д'Аннунцио, успевший попробовать себя на многих поприщах, являя собой ренессансный тип «универсального человека» (*homo universalis*). Выглядит весьма закономерным тот факт, что Д'Аннунцио называли пережитком Возрождения, «тираном эпохи Ренессанса в жилете и с кинжалом», «безумцем» [цит. по: 24, р. 58]. Даже навестивший его в 1922 г. Чичерин, желавший выявить схожие интересы и предложить сотрудничество с Советской Россией, охарактеризовал его как единственного «“уцелевшего” из эпохи Ренессанса» [цит. по: 24, р. 65]. Поэт восхитил его как человек, но разочаровал как непримиримый индивидуалист, смотрящий на все с эстетических позиций. В этой связи, отметим, что взгляды Д'Аннунцио были продиктованы его идеалистической природой и поиском Абсолюта, который соответствовал его сложным эстетическим запросам.

Важным является вопрос взаимовлияния и отношений Д'Аннунцио и Муссолини и, хотя роль последнего во взятии Фиуме минимальна, он,

¹⁰ D'Annunzio G., de Ambris A. Carta del Carnaro. La Costituzione della Libera Repubblica di Fiume. 1920. III/XVIII–XIX.

¹¹ Там же. III/XX.

¹² Там же. III/XVIII.

¹³ Там же. VII/XXXVI.

тем не менее, оказывал влияние на общественное мнение через прессу [16, p. 545].

Д'Аннунцио и Муссолини находились в длительной переписке, с 1919 по 1938 гг. [21, p. 44], и интерес к происходящему на территории Фиуме у Муссолини менялся. Весной 1919 г. он поднял вопрос о статусе Фиуме и высказал свое несогласие с позицией союзников, которая противоречила Лондонскому договору. Возмущение вызывала ультимативная формула англичан и французов, поддержанная президентом США В. Вильсоном: «Лондонский договор без Фиуме или Фиуме с аннулированием пакта»¹⁴. Чуть позднее, ввиду нарастающей политической напряженности, Муссолини написал другую статью для газеты «Popolo d'Italia», где намекал на абсурдность решений правительства, главой которого был представитель «левой» партии Ф. Нитти. Муссолини говорил о народной воле, призывающей как фиуманцев, так и итальянцев объединиться под эгидой Италии. Не игнорировал он и роль Д'Аннунцио в этих процессах: «В Фиуме находятся 16 тысяч солдат, которые подчиняются Д'Аннунцио, и в Риме прекрасно понимают, что по сигналу Д'Аннунцио все войска от Изонцо до Маттульи выступят на его стороне»¹⁵, – писал Муссолини. «Против Д'Аннунцио ничего не может предпринять правительство Нитти; против Д'Аннунцио ничего не может предпринять югославская армия... против Д'Аннунцио ничего не может предпринять парижский “синедрион”»¹⁶, – патетически заканчивает обличать слабость оппонентов поэта Муссолини.

В октябре 1919 г. Муссолини выступил с речью, в которой рассказал о своем визите на территорию Фиуме и выразил абсолютную солидарность с позицией Д'Аннунцио, попутно обвинив итальянское левое правительство в стремлении вовлечь в политический процесс «большевицкие силы Нации» [цит. по: 24, p. 33]. В сентябре 1920 г., в статье, посвященной годовщине взятия Фиуме, Муссолини дал характеристику «Хартии» и другим законам, принятым поэтом: «Законы Д'Аннунцио – это не просто литературное произведение архаичного характера, как некоторые говорят. Нет. Это живые и актуальные законы. Не только для отдельного города, но для нации. Не только для Фиуме, но для Италии!» [цит. по: 24, p. 93].

Однако после декабря 1920 г., когда Фиуме, по итогам Рапалльского договора, получил статус вольного города, Муссолини изменил риторику и начал отдалять фашистское движение от вопросов, связанных с Фиуме. Вызвано это было уже наметившимся политическим провалом

¹⁴ Scritti e discorsi di Benito Mussolini. Vol. 2. Milano, 1934. P. 15.

¹⁵ Там же. P. 27.

¹⁶ Там же. P. 29.

поэта, который не только не сумел сделать «эффект Фиуме» катализатором революции в Италии, но и не имел теперь возможности вести политические маневры внутри самой республики [16, р. 556].

В статье «Позиции и ответственность» Муссолини разграничивал отношения Италии, Фиуме и Королевства сербов, хорватов и словенцев, писал о том, что фашисты всегда критиковали Рапалльские соглашения, но не стремились идти против правительства¹⁷, которое фактически объявило войну городу. Муссолини прямо говорил теперь о существовании трех политических субъектов – Италии, Королевства сербов, хорватов и словенцев и Республики Фиуме, и что Д'Аннунцио, будучи главой независимого государства, сам должен был нести ответственность за происходящее¹⁸. Команданте, однако, отказался признавать договор, чем спровоцировал военные действия, получившие название «Кровавое Рождество»¹⁹. Муссолини по этому поводу также написал статью, в которой выражал солидарность с итальянцами Фиуме и критиковал правительство за лицемерные действия против собратьев²⁰. Впоследствии он говорил о необходимости экономической аннексии региона²¹.

Итак, можно сказать, что позиция Муссолини по отношению к Д'Аннунцио и взятию Фиуме неоднозначна. С одной стороны, мы видим Муссолини-идеолога, который стремится подпитывать движение революционностью и постоянной активностью. Пропаганда элитарности была одной из ярких особенностей движения, поэтому обучение у такой яркой фигуры, как Д'Аннунцио, кажется не только весьма полезной, но и крайне необходимой мерой, тем более, что поначалу поэт не воспринимал Муссолини как важного политического игрока [16, р. 545]. Е. Луньяни метко назвал Муссолини «хитрым учеником», перенявшим у «Деспота» множество приемов [19, р. 48]. С другой стороны, мы видим Муссолини-политика, который вынужден считаться с постоянно меняющейся обстановкой, как в крайне нестабильном парламенте, так и в массах. В этой связи, постоянное политическое лавирование при либеральном парламентском режиме выглядит более правильным и продуманным решением, чем руководство даннунциевским принципом «действую, а не размышляю», а сам поэт становится для фашистов «опасным безумцем» [21, р. 48]. Как подметил Де Феличе, «Д'Аннунцио был поэтом и вел себя во Фьюме (так в тексте. – Д.С.) как поэт.

¹⁷ Scritti e discorsi di Benito Mussolini. Vol. 2. Milano, 1934. P. 124.

¹⁸ Там же. P. 125.

¹⁹ Столкновение между силами Республики Фиуме и Итальянского королевства 24–29 декабря 1920 г., в результате которого республика прекратила свое существование.

²⁰ Scritti e discorsi di Benito Mussolini. Vol. 2. Milano, 1934. P. 127–129.

²¹ Там же. P. 147.

Муссолини же был политиком и рассматривал взятие города как политический процесс» [16, р. 557].

Несмотря на внешнюю схожесть движений, между даннунцианством и фашизмом, тем не менее, началось противостояние, которое все же не привело к полному разрыву отношений между Муссолини и поэтом.

Сторонники Д'Аннунцио с самого начала не были однородны в своих идеологических установках, что после исхода из Фиуме стало причиной расслоения движения. Так, например, Н. Бомбаччи перешел на сторону коммунистов [24, р. 48] и принимал активное участие в деятельности Коммунистического Интернационала, а личный секретарь Команданте Э. Козельски встал во главе Комитета КАУР (Comitati d'Azione per l'Universalità di Roma), который фактически был попыткой создания фашистского интернационала [6, с. 16–18]. Многие из ветеранов стали уходить в лагерь социалистов и, разочарованные и стремящиеся обновить Италию, желали заменить управляющий класс на пролетарский, т.е. осуществить то, что Муссолини называл «вульгарным трюком» социалистов²². Так естественным образом сторонники Д'Аннунцио отдалялись от правого крыла фашистского движения. Вызвано это было, на наш взгляд, изначальной идеологической неоднозначностью движения, хотя бы потому, что соавтором «Хартии» выступал крайне левый теоретик-синдикалист Де Амбрис, который вместе с Д'Аннунцио стремился представить происходящее как создание третьего пути – антилиберального и антикоммунистического, однако объединить эти движения идеологически было невозможно [24, р. 66].

Первым попытку договориться сделал Муссолини, но его предложение имело целью не объединить силы, а отсечь Д'Аннунцио от военной части его движения [Там же, р. 54] и, таким образом, перетянуть его сторонников к себе. Единственным человеком, который был способен на оппозицию Муссолини, был Де Амбрис, но он не получил надлежащей поддержки. В этот период Д'Аннунцио замыкается и постепенно отходит от политической деятельности, окончательно освобождая место для Муссолини. В 1922 г. он в очередной раз пытается влиться в политический процесс, но его повестка дня безвозвратно утратила актуальность, т.к. большая часть его сторонников уже перешла на сторону фашистов.

Партия фашистов переняла множество идей и политических приемов Д'Аннунцио. «Персонажи моих произведений учат необходимости героизма», – говорил поэт [цит. по: 19, р. 49]. Муссолини, как в некотором смысле ученик Д'Аннунцио [19, р. 48], сумел закрепить часть его концепций в «Доктрине», составленной вместе с выдающимся

²² Scritti e discorsi di Benito Mussolini. Vol. 2. Milano, 1934. P. 11.

философом Дж. Джентиле. В тексте прослеживаются мотивы, схожие с идеями поэта: стремление к борьбе, смерти, отвержение пацифизма и главенства материального [8, с. 222–235]. В каком-то смысле, фашистами был перенят и стиль Д'Аннунцио, трансформированы образы и лозунги, под которыми выступал поэт. Так, «Марш на Ронки» в скором времени превратится в «Марш на Рим», а знаменитый девиз «Фиуме или смерть» будет звучать как «Или Рим, или смерть». Помимо этого, стоит сказать и о программных элементах, перенятых партией фашистов. «Доктрина» органично вобрала в себя элементы синдикализма, роли государства и воспитания людей [Там же, с. 231–232], исчерпав, на наш взгляд, тот комплекс непреодолимых противоречий, который расколол даннунциевское движение.

Фактически, движение Муссолини сохранило даннунциевский революционный дух, но направило его на решение актуальных политических задач менее радикальными путями. Фашизм стремился быть реалистичной доктриной и отвечать на вызовы времени действиями, пусть и не столь радикальными, как даннунциевские. Так, присоединение Фиуме произошло в 1924 г., чему предшествовала экономическая «аннексия» региона. Корпоративная система также получила развитие в обновленной Италии, хотя и заметно отличалась от проектов Д'Аннунцио и Де Амбриса, а исторические мифы, которыми был пропитан пафос поэта касательно происхождения итальянцев, роли и места «латинской расы», прочно вошли в культурную среду «Двадцатилетия»; дух вождизма, человека универсальных способностей поддерживался и распространялся через фигуру Муссолини, да и сам Д'Аннунцио не был отвергнут, он стал для фашизма живой легендой, образцом «верно» чувствующего человека, патриота, в полной мере отражающего обновленный «латинский» дух.

Подводя итог, мы можем сделать ряд выводов: во-первых, политическое мировоззрение Д'Аннунцио зиждилось на трех основных элементах: на дарвинистском биологизме, перешедшем на эстетический уровень и трансформировавшемся в латинский шовинизм поэта, на ницшеанской идее сверхчеловека и исключительной роли сильной личности, ведущей за собой массы, и на огромном культурном и историческом наследии Италии, которое органичным образом, через эстетические критерии, объединяло эти два, казалось бы, несовместимых друг с другом элемента в концепции «латинскости» (*Latinita'*) – созидающей силы, призванной возродить утерянный дух предков.

Говоря о политической деятельности поэта, несомненно важна, на наш взгляд, роль «Хартии», которая стала выражением его идеалистического взгляда на государство. Д'Аннунцио смотрел на политический

процесс с эстетических позиций, ему были чужды подковерные игры в парламенте, он был человеком действия, что и демонстрировал своими дерзкими военными и политическими акциями. С другой стороны, мы приходим к выводу, что подобный подход был бесперспективен, что и показало противостояние Д'Аннунцио и Муссолини. Политическая бескомпромиссность поэта проиграла гибкости «дуче», который более прагматично оценивал политические процессы.

Библиографический список / References

1. Белоусов Л.С. Италия: молодежь против фашизма, 1919–1945. М., 1987. [Belousov L.S. Italiya: molodezh protiv fashizma, 1919–1945 [Italy: The young against the fascism, 1919–1945]. Moscow, 1987.]
2. Белоусов Л.С. Итальянский рабочий класс в годы фашизма. М., 1996. [Belousov L.S. Italyanskij rabochij klass v gody fashizma [The Italian working class in the years of the fascism]. Moscow, 1996.]
3. Белоусов Л.С. Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993. [Belousov L.S. Mussolini: diktatura i demagogiya [Mussolini: Dictature and demagogy]. Moscow, 1993.]
4. Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000. [Belousov L.S. Rezhim Mussolini i massy [Mussolini's regime and the masses]. Moscow, 2000.]
5. Белоусов Л.С., Ковылов А.И. Молодежь Апеннин: выбор – в борьбе. М., 1987. [Belousov L.S., Kovylov A.I. Molodezh Apeninin: vybor – v borbe [The Appenin's youth: The choice is the struggle]. Moscow, 1987.]
6. Дробязко С.И., Романько О.В., Семнов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2011. [Drobzyako S.I, Romanko O.V., Semnov K.K. Inostrannye formirovaniya Tretego rejha [Foreign formations of the Nazi Germany]. Moscow, 2011.]
7. Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977. [Lopuhov B.R. Istoriya fashistskogo rezhima v Italii [The history of fascism in Italy]. Moscow, 1977.]
8. Моисеев Д.С. Политическая философия итальянского фашизма. Становление и развитие доктрины. М.; Екатеринбург, 2019. [Moiseev D.S. Politicheskaya filosofiya italyanskogo fashizma. Stanovlenie i razvitie doktriny [Political philosophy of the Italian fascism. Formation and evolution of the doctrine]. Moscow; Ekaterinburg, 2019.]
9. Устрялов Н.В. Итальянский фашизм. Харбин, 1928. [Ustryalov N.V. Italyanskij fashizm [The Italian fascism]. Harbin, 1928.]
10. Шварц Е.[А.] Крылатый циклоп. СПб., 2010. [Shwarz E.[A.] Krylatyj ciklop [The winged cyclop]. St. Petersburg, 2010.]
11. Alatri P. Nitti, D'Annunzio e la questione adriatica (1919–1920). Milano, 1959.
12. Baldini A. Il fumanesimo e gli anarchici italiani: Fiume “controsocieta” sperimentale? Tesi. Università degli Studi di Firenze. 2012.
13. Becker J.M. D'Annunzio and Darwinism: From “giaguaro famelico” to the “nazione eletta”. *Italica*. 1990. Vol. 67. No. 2. Pp. 181–195.
14. Becker J.M. D'Annunzio, Socialism, and Poetry. *Modern Language Notes*. 1990. Vol. 105. No. 1. Italian Issue. Pp. 74–86.

15. De Felice R. D'Annunzio politico. 1918–1938. Roma; Bari, 1978.
16. De Felice R. Mussolini il rivoluzionario. 1883–1920. Torino, 1965.
17. Gerra F. L'impresa di Fiume. Milano, 1974.
18. Hughes-Hallett L. The Pike: Gabriele D'Annunzio, Poet, Seducer and Preacher of War. L., 2013.
19. Lugnani E. D'Annunzio. Bari, 1981.
20. Moravček G. Fiume/Rijeka, la storia taciuta: D'Annunzio, Tito, l'esodo. Fiume, 2019.
21. Peterson T.E. Schismogenesis and National Character: The D'Annunzio–Mussolini Correspondence. *Italica*. 2004. Vol. 81. No. 1. Pp. 44–64.
22. Skradol N. Carnival of Exception: Gabriele D'Annunzio's "Dialogues with the Croud". *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric*. 2012. Vol. 30. No. 1. Pp. 74–93.
23. Spinelli D. Carta del Carnaro: Utopia come esperienza giuridica. *MORUS – Utopia e Rinascimento*. 2015. No. 10. Pp. 343–350.
24. Valeri N. D'Annunzio davanti al fascismo. Firenze, 1963.

Статья поступила в редакцию 04.02.2021, принята к публикации 11.06.2021

The article was received on 04.02.2021, accepted for publication 11.06.2021

Сведения об авторе / About the author

Сушков Даниил Дмитриевич – магистрант Итальянского центра историко-филологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Daniil D. Sushkov – undergraduate student at the Italian Center of the Faculty of History and Philology, Russian State University for the Humanities

E-mail: dieselvogel@mail.ru